

ББК Ш 12 = 411. 4*34
УДК 81' 276. 6:34

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ СМЫСЛОВЫХ ОСНОВ

У роботі досліджено процес формування термінологічних одиниць шляхом десимволізації лексики. Розглянуто функціонування цього способу та його значення для формування юридичної термінології. Лексичну базу аналізу складає масив лексики української та російської юридичних терміносистем.

Ключові слова: юридичний термін, десимволізація, смислова основа терміна.

Данное исследование посвящено процессу формирования терминологических единиц права в украинском и русском языках. Среди многообразия способов формирования терминологических единиц нами выделен способ десимволизации: переход слова-символа в слово-знак. Мы рассмотрим функционирование данного способа и его значение для формирования юридической терминологии. Лексическую базу анализа составляет массив лексики украинской и русской юридических терминосистем. Актуальность настоящего исследования определяется условиями глобализационных и интеграционных процессов современного общества и в связи с этим объективной необходимостью установления правовых отношений, что возможно при обеспечении адекватного понимания содержания терминологического выражения как явления правовой практики. Филологическое обеспечение данного процесса представляется принципиально значимым и объективно востребованным. Процесс формирования терминологических единиц права путём перехода слов-символов в слова-знаки является недостаточно изученным.

Говоря о типологии исследовательского интереса к данной проблематике возможно выделить следующие направления в ее анализе: диахроническое (В.М Живов, Ш. Ондруш, С.П. Хижняк, М.А. Брицын, Б.Р. Стецюк и др.) и историко-этимологическое (Н.Я. Марр, К.М. Колобова, Н.А. Луценко и др.).

Целью нашей работы является исследование процесса десимволизации терминологических единиц путём восстановления их смысловых основ как одного из возможных процессов в контексте его связи с историко-социальными и содержательными явлениями правовой действительности. Материалом исследования служат простые терминологические единицы (общенаучные, межотраслевые, узкоспециальные), собранные путём сплошной выборки из отраслевых юридических словарей. С целью получения объективных данных при определении смысловых основ терминологических единиц используются описательный и сравнительно-исторический методы.

Рассмотрим процесс восстановления смысловых основ более подробно. Обратимся сначала к терминам украинской юридической терминосистемы.

Доказ [Мисик 1999: 424]. «*Письмові докази – всякого роду документи, акти, листування службового або особистого характеру, що містять відомості про обставини, які мають значення для справи*» [ПНОЕ 2003: 390]. В этом слове рассмотрим сначала приставку *до*: укр. *до* 'до', 'к', 'в', болг. *до* 'до', 'к', 'возле', с.-хорв. *до* 'до', 'возле', др.-русс. и ст.-слав. *до* 'до', 'к', 'в' [Черных 2007, I: 257]. Данная приставка употребляется для образования глагола со значением исчерпанности – *доказати*. Обратимся к корню *каз*. Мы считаем, что в основу этимологической версии *казати* 'говорить' положен примитив *ку* 'вода': *ку* > *кга* > *кза* (преобразование согласных на стыке) > *каз* (появление гласного на стыке согласных) [~ *кос* > *коса* 'берег'] > *каза-ти* [Луценко 2009: 139]. С учётом номинативной корреляции значений 'вода' ~ 'река' – 'речь' мы приходим к выводу, что 'рот' является смысловый основой терминов: укр. *доказ*, *доказовий*, *доказовість*, *доказування*, *доказувати*, русск. *доказанность*, *доказательственность*, *доказательственный*, *доказательство*, *доказати*, *доказуемость*, *доказывание*. Знаком включения процесса десимволизации исследуемого слова становится утрата части его семантической актуализации.

Діяння [Мисик 1999: 17]. «*Суспільна небезпечність діяння характеризується заподіюванням шкоди відносинам, які охороняються державою*» [ПНОЕ 2003: 390]. Данный термин является производным от *діяти* и *дія*. Обратимся к данным этимологического словаря: др.-русс. *дѣяти* 'делать', 'трогать', 'говорить', польск. *dzieć* 'действовать', чешск. *diti* 'сказать', словац. *diat'* 'то же', н.-луж. *žas'* 'сказать' [ЕСУМ 1985: 94]. При рассмотрении лексического контекста слова отмечается близость смыслов 'делать', 'трогать' и 'говорить', что свидетельствует о связи исходной лексической единицы с движением вообще. Это движение могло осуществляться прежде всего рукой. Терминологическая единица *діяння*, по нашему мнению, является исконно однопримитивной, если принять во внимание существование более простого слова *дія*. В этом слове, по нашим данным, исторически осуществлялись следующие трансформации: *dja* < *dwa* < *du* 'близкий', 'рука'. Кроме того, *d* является субститутотом *h*, а значит, получаем *du* ~ *hu*. В свою очередь, вследствие усиления *h* в *r* представляется возможным и такое преобразование: *hu* > *ru* / *ry*- [Луценко 2007: 11]. Исследуя термин *діяння* мы допускаем, что восстановленной основой является 'рука'. Следовательно, 'рука' выступает в качестве смысловой основы терминов укр. *діяння*, *дія*, *діяльність*, а также русск. *деяние*, *деятель*, *деятельность*. Внедрение слова в иные, более детерминированные рамки закономерно приводит к лишению лексической единицы её статуса как символа.

© Баланаєва О.В., 2011

Замах [Мисик 1999: 261]. «Кримінальний закон розрізняє закінчений і незакінчений *замах* на злочин» [ПЮЕ 2003: 145]. Этот термин рассматривается как состоящий из двух частей. Мы обратимся к первой части данного термина. «Фонетически за можно возвести к *u* <лат.>: *u* → *hu* → *hwa* → *zwa* → *za*» [Луценко 2007: 77]. Рассмотрение *за* позволяет увидеть семантическую перспективу 'зад' = 'рот' ~ 'тьма'. С другой стороны, мы имеем смысловой ряд 'тьма' ~ 'небо' ~ 'верх'. Кроме того, с *за* связан также «смысл 'рот' – функционально-номинативный аналог 'руки', источника смыслов 'рядом', 'здесь' и 'сейчас'» [Луценко 2007: 77]. Для анализа второй части слова *мах* обратимся к следующим данным, указанным в этимологическом словаре: укр. *махати* 'делать махи чем-либо в воздухе', 'идти', 'ехать', 'бежать', русск. *махать*, бел. *махаць*, др.-русс. *махати*, чешск. *machati* 'махать', 'полоскать', н.-луж. *machaś*, болг. *máham*, словен. *táháti* 'махать' [ЕСУМ 1989: 418]. Полезным представляется обращение к немецкому слову *machen* 'делать', что закрепляет вывод о родственности семантики данного слова со славянскими лексическими единицами. У второй части *мах* мы определяем смысл 'рука'. Анализ исследуемой терминологической единицы, позволяет сделать вывод о том, смысловой основой термина укр. *замах* является 'рука'. Процесс сужения семантических рамок в функционировании лексической единицы свидетельствует о факте десимволизации слова.

Слідчий [Мисик 1999: 35]. «*Слідчий* – посадова особа органів прокуратури, внутрішніх справ, служби безпеки, яка призначена в установленому законом порядку, наділена функцією провадження досудового слідства» [ПЮЕ 2003: 440]. Обратимся к данным этимологического словаря: др.-русс. *слѣд* 'след', 'знак' позже 'отметка', 'грань', 'указание', болг. *след*, с.-хорв. *sljēd* (*sljijed*) 'след', 'порядок', 'последовательность', чеш., словац. *sled* 'бег', 'течение', 'последовательность', польск. *slad* 'след', в.-луж. *slěd* 'след', 'последовательность', н.-луж. *slěd* 'след' [Черных 2007, II: 174]. По мнению М.А. Брицына, общеславянское слово *слѣдъ*, параллели которого можно проследить в балтийских и германских языках, принадлежало к словам общенародногo употребления и значило 'след', 'знак, оставшийся после чего-либо' [Брицын 1965: 141]. *Слід*, *слід* ассоциируется с видением, видение, в свою очередь, – с глазом. 'Глаз' в соответствии с принципом «часть по целому» соотносится с лицом, головой [Луценко 2002: 266]. Голова же – это ум. В словах *след*, *следователь*, *слідчий* и др. заключена идея отношения к объекту исследования; идея внимательности, ума; соответственно, идея мысли, исследования. Значит, 'ум/глаз' является смысловой основой терминов: укр. *слідчий*, *слідство*, русск. *след*, *следователь*, *следственный*, *следствие*.

Рассмотрим термины русской юридической терминосистемы.

Завещание [РНЮС 2000: 130]. «В особых случаях закон допускает удостоверение *завещания* иными, помимо нотариуса, лицами» [БЮС 2006: 228]. Согласно данным этимологического словаря др.-русс. *завѣщание* и *завѣщати* заимствованы из старославянского. Приведённые слова возводятся к **věťь*, от которого были образованы: укр. *завіт*, белор. *запавет*, болг. *завет*, чеш. *závět*. Указанный корень имеет значение 'говорить', 'держатъ речь' [Черных 2007, I: 312]. *Завещание* является производным от *завет*. В слове *завещание* выделяются два примитива *за* и *вещ*. Часть *за* возводится к предлогу и частице со значением 'позади', 'после', 'потом', 'из-за'. Фонетически и семантически *за* соотносится со словом *зад* (*hu* ~ *ku* ~ *su* → *sha* ~ *zga* → *zda* ~ *zad*) [Луценко 2007: 77]. Задний и передний рот номинативно связаны с одним планом выражения, то есть 'зад' = 'рот'. Вторая часть *вещ*, согласно теории предикативной природы слова, также должна быть связана со смыслом 'рот'/'зад'. *Вещ* является вариантом *вет*. Корень *вет* присутствует в словах со значением 'говорить', например: *ответ*, *совет*, *привет*. Отсюда следует, что *за* = *вещ*. *Завещание* представляет собой «распоряжение гражданина своим имуществом на случай смерти, сделанное в установленном законом порядке» [БЮС 2006: 227]. В древних русских юридических текстах завещание обозначается терминами *рукописание*, *душевная грамота*, *духовная грамота*. Эти термины появились не ранее второй половины 13 века [Живов 2002: 197]. В церковнославянских текстах встречается другой набор терминов – *завѣт*, *завѣщание*, *с(о)вѣщание*, *с(о)вѣтъ* [Живов 2002: 198]. Употребление в настоящее время термина *завещание* следует рассматривать как результат влияния византийского права на русское. Здесь сквозь столетия подчёркивается значимость слова: вначале было слово и последняя воля – тоже слово. Вышеизложенный материал позволяет сделать вывод, что 'рот'/'зад' является смысловой основой терминов: русск. *завещание*, *завещанный*, *завещатель*, *завещательный*, *завещать*, укр. *заповіт*, *заповіданий*, *заповідальний*, *заповідати*, *заповідач*. Снижение семантического уровня использования данного слова определило его десимволизацию.

Жалоба [РНЮС 2000: 126]. «*Жалоба* – обращение гражданина в государственные или иные публичные органы, их должностным лицам, по поводу нарушения его прав и законных интересов» [БЮС 2006: 222]. Обратимся к данным этимологического словаря: укр. *жалоба*, бел. *жалоба*, польск. *żaloba* 'печаль', н.-луж. *žalobny* 'жалобный', чешск. *žalobe*, макед. *жалба*, словен. *žalóba*. Слово образовано от основы *жал-*: др.-русс. *жаль* 'жалко', укр. *жаль* 'жаль', 'обидно', в.-луж. *žel* 'жалко', 'обидно' [ЭСРЯ 1973: 275]. Термин *жалоба* стал употребляться у восточных славян древнерусского периода и обозначал заявление одной из сторон, которая предъявляет определённые претензии другой стороне. Лексема образована «с помощью суффикса -об- от утраченного прилагательного *жалъ*» [Брицын 1965: 97]. Лексическая единица *жалоба*, выступающая в качестве юридического термина, была свойственна языкам всех молодых восточнославянских народностей [Брицын 1965: 98].

Для установления смысловой основы данного слова, следует отметить, что номинация всех негативных ощущений связана с отсылкой к мраку-холоду [Луценко 2007: 7]. Обратимся непосредственно к рассмотрению фонетических переходов. Слово *жаль* может быть сведено к примитиву *гу*: *гу* → *гва* → *жва* → *жла* → *жал-* //

желя → жаль. В качестве родственных к жаль, жаловаться мы можем рассматривать глаголы жевать и желать (по 'рту'~ 'тьме'): жва → жла [> жал, жало // < 'рот'] → жьла → желя- [Луценко 2007: 26]. Подвергнутый анализу материал позволяет прийти к выводу, что именно 'рот' является смысловой основой терминов: русск. жалоба, жалобный, жалобщик, жаловаться. Процесс десимволизации указанного слова можно рассматривать в аспекте конкретизации семантической актуализации данной лексической единицы.

Наследство [РНЮС 2000: 256]. «Согласно статьи 1112 ГК РФ, в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности» [БЮС 2006: 434]. Обратимся к корню данного слова след-. След – «отпечаток, вдавливание ноги, лапы и пр., оставшаяся на какой-либо (особенно рыхлой) поверхности» [Черных 2007, II: 174]. Параллели общеславянского слова слѣдъ прослеживаются в балтийских и германских языках. Данная лексическая единица принадлежала к словам общенародного употребления и означала 'след', 'знак, оставшийся после чего-либо'. В юридических документах слѣдъ – это признак, указание, улика, позволявшие отыскать преступника [Брицын 1965: 141]. След ассоциируется с чем-либо, оставленным позади. В древних русских текстах для обозначения наследства употребляется термин задница, позднее статокъ, остатокъ, останокъ [Живов 2002: 197]. Обратимся к данным этимологического словаря: укр слід, блр. след, болг. следа, с.-хорв. слѣд 'след', 'порядок', 'последовательность', словен. sled 'след', чеш. и словац. sled 'бег', 'течение', польск. ślad 'след', лит. slidus 'гладкий' [Черных 2007, II: 174]. В корне след с являются s-mobile. Кроме того, исторически имели место следующие процессы: субституция г – д, усиление в – л и вокализация мягкости, поэтому остальная часть возводится к примитиву ву 'вода'. Отсюда мы получаем, что из ву образовано вга, которое впоследствии привело к появлению вода (> вод > вода). В свою очередь, от слова вода произошло льда (> лёд), а от указанной лексической единицы, возможно, образованы следа > след [Луценко 2009: 171]. Анализ исследуемой терминологической единицы, позволяет сделать вывод о том, смысловой основой термина наследство является 'вода', что реализуется в функционировании таких терминов, как русск. наследие, наследник, наследный, наследование, наследователь, наследовать, наследственность, наследственный. Снижение семантического уровня использования данного слова определило его десимволизацию.

Правда [РНЮС 2000: 406]. «Правды – в русскоязычной литературе по истории государства и права традиционное обозначение сборников законов и обычаев периода раннего Средневековья по аналогии с Русской Правдой» [БЮС 2006: 558]. Ш. Ондруш считает, что праслав. pravo : pravda "имеет ту же мотивацию, что и нем. Recht и франц. droit... Праслав. pravo : pravda представляет собой субстантивные дериваты прилагательного праслав. pravъ, -a, -o с исходным значением 'равный' (сохранившимся в южнославянских языках) и вторичным значением 'правый' (восточно- и западнославянские языки). Pravo : pravda имели исходное значение 'равенство'" [Ондруш 1986: 177]. Исследованием русск. правда занимался также А.М. Брицын. Он отмечает, что это слово образовано от общеславянского прилагательного pravъ. [Брицын 1965: 83]. Термин правда относился к числу многозначных слов. Слово pravda означало 'восстановление в ходе судебного процесса справедливости, правоты, восстановление нарушенного права', 'свод правил, законов', 'договор, условия договора', 'суд', 'расследование обстоятельств дела' [Брицын 1965: 84-87]. При восстановлении смысловой основы термина правда особое внимание следует уделить мнению Н.Я. Марра. Исследователь полагает, что «этот надстроечный термин имеет двоякую филиацию в зависимости от тех двух восприятый его значения... Одно значение, синонимное с 'правом', 'законом', восходит к семантическому архетипу 'рука' (→ 'сила') → 'право', в частности – 'правая рука' и т.п.); другое значение – 'истина', это непосредственный дериват 'солнца'» [Марр 1935: 270]. Н.А. Луценко указывает на возможное родство между словами правда и нем. wahr 'правдивый', Wahrheit 'правда'. Соотнося пра- и wahr в диахронии, он постулирует структуру предикации, основанной на смысловом и морфологическом равенстве членов: пра + вода. «Представляется, что правда как 'восстановление справедливости' или 'равенство' по своему смысловому прототипу – это 'вода'. Конкретно речь идёт о воде как 'отражении', соответственно, далее, о том, что устанавливает паритет (соответствие, тождество) чего-то с чем-то – законе, справедливости, возмещении, суде, восстановлении прав, правосудии и т.д.» [Луценко 2007: 28]. Правда – это отражение, соответствие, видение, свидетельство. Рассмотрев точки зрения Н.Я. Марра и Н.А. Луценко, мы можем отметить, что они не противоречат друг другу. Вода по своему смысловому прототипу – это небо, отражение неба. Следовательно, смысловой основой термина правда являются смыслы 'вода', 'небо'. Это значение сохраняется в терминах: русск. правдивость, правдивый, правдоподобие, правдоподобный; укр. правдоподобний. Семантическая коррекция, вызванная процессом утраты символического начала, определила сужение рамок функционирования слова.

Суд [РНЮС 2000: 596]. «Особыми разновидностями суда являются конституционный и административный суд» [БЮС 2006: 728]. В историко-этимологическом словаре русского языка приводятся следующие данные: др.-русск. судъ 'суд', 'тяжба', 'постановление (суда)', 'закон', 'устав', 'наказание', болг. суд, с.-хорв. суд, слов. sodišče 'судебный процесс', 'место (здание) суда', словац. súd, польск. sąd, в.-луж sud [Черных 2007, II: 216]. Изучением семантики этого слова занимался Ш. Ондруш. Он полагает, что праслав. *sodъ является субстантивным дериватом глагольной основы sed- : sēd- : sod- : sōd- 'сидеть, заседать'. По его мнению, в слове представлена вторичная назализация. От формы с аблаутом sod- : sad- образовалась основа с назализацией sond- : sand- > sodъ. Суд, по Ондрушу, является сидением, заседанием, на котором «защитники» порядка определяют наказание для преступников [Ондруш 1986: 178].

Термину *суд* уделял внимание и М.А. Брицын. Он пишет, что «по происхождению общеславянское **soďь* рассматривается как сращение двух слов: предлога *som* (> SQ) и существительного **dhos* ‘дело’» [Брицын 1965: 70]. М.А. Брицын также перечисляет в своей работе значения, в которых употреблялось слово *судь*: ‘закон’, ‘устав’, ‘разбор дела’, ‘дознание виновности’, ‘судебное дело’, ‘тяжба’, ‘судебная пошлина’, ‘приговор’, ‘судебное решение’ [Брицын 1965: 71-74].

При восстановлении смысловой основы слова *суд* необходимо обратиться к исследованиям Н.А. Луценко. Согласно его мнению, *су-* как часть слова *сумрак* обозначает ‘мрак’ и одновременно ‘зад’. То, что «сзади, мыслилось как не видное, темное – отсюда пересечение названий темноты с названиями предметов, имеющих ‘заднюю’ пространственную локализацию» [Луценко 2003: 117].

Суд/‘след’ есть то, что человек получает в качестве реакции на свой поступок. В слове *суд*, -*д* является остатком примитива *ду* ‘зад’, ‘мрак’. Мы возвращаемся к ‘следу’, ‘мраку’, тому, что человек совершил.

Как мы видим, смысловой основой термина *суд* является идея возврата – справедливости. В какой-то мере это относится и к терминам: русск. *судебник, судебный, судейский, судейство, судилище, судимость, судить, судиться, судопроизводительный, судопроизводство, судоустройственный, судоустройство, судья*, а также *подсудимый, подсудность, подсудный; укр. суд, судимість, судовий, підсудний, підсудність*. Снижение семантического уровня использования данного слова определило его десимволизацию.

Рассмотрение вышеизложенного материала позволяет сделать вывод о продуктивности процесса формирования терминологических единиц путем десимволизации лексики. Данный процесс сложен и недостаточно изучен. Мы опираемся на подход к слову как единице, которая сущностно обусловлена актом предикации. Рассмотрение процессов восстановления смысловых основ терминов позволяет более полно, более подробно представить процесс формирования терминологических единиц. В нашей работе находят свою реализацию нетрадиционные принципы этимологического анализа. По нашим наблюдениям, наряду с семантическими сдвигами отмечается экстенсивное фонетическое преобразование слова, что представляет собой одно из важнейших средств предикативной обработки лексической единицы.

В аспекте диахронии для структуры слова мы придерживаемся идеи предикативного соединения в его составе однозначных примитивов. В качестве отправного пункта фонетических преобразований выступает стык согласных, который является источником смягчений, фонетических добавлений, вставок и т.д.

В языке проявляется эгоцентристское мировоззрение, поэтому именно тело представляет собой исходную точку в процессе локализации субъектов и предметов в пространстве. Данный вывод позволяет объяснить тот факт, что у разных юридических терминов можно определить одну и ту же смысловую основу. Как правило, наиболее частотными среди основ являются концепты: ‘рот’/‘рука’, ‘сила’, ‘голова’, ‘глаз’, ‘свет’, ‘тьма’.

Рассмотрение процесса десимволизации лексических единиц позволяет сделать вывод о том, что функционирование слов в контексте определённых семантических параметров определяет изменение содержания его символического начала. Слова употребляются в более узком значении, так как стали терминами. Данное исследование является практически значимым, так как его теоретические выводы и конкретный исследовательский материал направлены на решение проблем теории и практики языка в их терминоведческом аспекте, на определение и введение креативной практики создания соответствующих современным реалиям терминологических единиц.

Процесс формирования терминологических единиц права путём десимволизации лексики является недостаточно изученным, что открывает широкие перспективы для его дальнейшего исследования с точки зрения фонетического и семантического развития слова.

Литература

- Брицын 1965: Брицын, М. А. Из истории восточно-славянской лексики [Текст] / М. А. Брицын. – К.: Наукова думка, 1965. – 159 с. – Библиогр.: с. 156-159. – 2000 экз.
- БЮС 2006: Большой юридический словарь [Текст] / под ред. проф. А. Я. Сухарева. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 858 с. – Библиогр.: с. 853. – 10 000 экз. – ISBN 5-16-002606-1.
- ЕСУМ 1985: Етимологічний словник української мови : у 7 т. [Текст] / [редкол.: О. С. Мельничук (голов. ред.) та ін.] ; АН УРСР, ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. - К. : Наукова думка, 1983 – Т. 2 : Д-Копці. – 1985. – 570 с. – 12 000 экз.
- ЕСУМ 1989: Етимологічний словник української мови : у 7 т. [Текст] / [редкол.: О. С. Мельничук (голов. ред.) та ін.] ; АН УРСР, ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. - К. : Наукова думка, 1983 – Т. 3 : Кора. – 1989. – 551 с. – 10 450 экз. – ISBN 5-12-001263-9.
- Живов 2002: Живов, В. М. История русского права как лингвосомиотическая проблема [Текст] / В. М. Живов /Разыскания в области истории и предыстории русской культуры / – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 187-304. – Библиогр.: с. 304-305. – 2000 экз. – ISBN 5-7859-02-21-4.
- Луценко 2003: Луценко, Н. А. Введение в лингвистику слова [Текст] / Н. А. Луценко. – Горловка : Изд - во ГППИИЯ, 2003. – 144 с. – Библиогр.: с. 133-140. – 300 экз. – ISBN 966-8469-07-0.
- Луценко 2009: Луценко, Н. А. Истории наших слов: диахронно-лексикологические этюды [Текст] / Н. А. Луценко ; Донецкий национальный университет. – Донецк : изд-во «Вебер» (Донецкое отделение), 2009. – 370 с. – Библиогр.: с. 329-342. – 350 экз. – ISBN 978-966-335-314-2.

Луценко 2007: Луценко, Н. А. Истории слов. К типологии семантических и звуковых изменений в языке [Текст] / Н. А. Луценко. – Горловка : Изд-во ГТПИИЯ, 2007. – 100 с. – Библиогр.: с. 90-94. – 300 экз. – ISBN 978-966-8469-44-2.

Луценко 2002: Луценко, Н. А. Об этимологическом аспекте фразеологии [Текст] / Н. А. Луценко // В пространстве филологии. – Донецк, 2002. – С. 259-269. – Библиогр.: с. 269. – 500 экз. – ISBN 966-7695-63-8.

Март 1935: Март, Н. Я. Избранные работы [Текст] / Н. Я. Март. – М.; Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1933 – Т. 5: Этно - и глоттогония восточной Европы. – 1935. – 667 с. – 5000 экз.

Мисик 1999: Мисик, Л. В. Українсько-англійський словник правничої термінології [Текст] / Л. В. Мисик. – Київ : Юрінком Інтер, 1999. – 528 с. Библиогр.: с. 7-9. – 5000 экз. – ISBN 966-7302-89-X.

Ондруш 1986: Ондруш, Ш. Семантическая мотивация основных терминов права и торговли у славян и индоевропейцев [Текст] / Ш. Ондруш // Этимология 1984. – М., 1986. – С. 176-181. – Библиогр.: с. 181. – 2150 экз.

ПЮЕ 2003: Популярна юридична енциклопедія [Текст] – К. : Юрінком Інтер, 2003. – 528 с. – 3000 экз. – ISBN 966-667-075-5.

РНЮС 1995: Русско-немецкий юридический словарь [Текст] / под ред. Л. Бергстона. – М. : Лингвистика, 2000. – 720 с. – 1060 экз. – ISBN 5-73889-131-7.

Черных 2007, I: Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. [Текст] / П. Я. Черных. – 8-е изд. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2007 – Т. 1. – 2007. – 621 с. – 3000 экз. – ISBN 978-5-9576-0356-6.

Черных 2007, II: Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. [Текст] / П. Я. Черных. – 8-е изд. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2007 – Т. 2. – 2007. – 559 с. Библиогр.: с. 481-507. – 3000 экз. – ISBN 978-5-9576-0357-3.

ЭСРЯ 1973: Этимологический словарь русского языка [Текст] / авт.- сост. Н. С. Арапова и др. ; под ред. Н. М. Шанского ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак-т. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963 – Т.1, вып. 5 : Д, Е, Ж. – 1973. – 304 с. – 33 720 экз.

В работе исследуется процесс формирования терминологических единиц путём десимволизации лексики. Рассматривается функционирование этого способа и его значения для формирования юридической терминологии. Лексическую базу анализа составляет массив лексики украинской и русской юридических терминосистем.

Ключевые слова: юридический термин, десимволизация, смысловая основа термина.

The work deals with the analysis of the process of forming terminological units by means of lexis desymbolization. The functioning of this way and its meaning for forming legal terminology is examined here. The lexical base of analysis is formed with the complex of lexis of the Ukrainian and Russian legal terminological systems.

Keywords: legal term, desymbolization, meaningful base of the term.

Надійшла до редакції 23 вересня 2010 року.

Важенина Олена, Бардукова Ганна

ББК Ш12=411.4*33
УДК 811.161.2'373.7

**ЕЛІПСИС ЯК РЕПРЕЗЕНТАНТ КОМПЛЕКСУ ІНДИВІДУАЛЬНО-АВТОРСЬКИХ ВИДОЗМІН
ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНОГО ТИПУ
(НА МАТЕРІАЛІ МОВИ ХИМЕРНОГО РОМАНУ О. ІЛЬЧЕНКА
“КОЗАЦЬКОМУ РОДУ НЕМА ПЕРЕВОДУ, АБО Ж МАМАЙ І ЧУЖА МОЛОДИЦЯ”)**

У статті розглянуто еліпсис як вид структурно-семантичної трансформації фразеологізмів. Аналіз здійснено на фактичному матеріалі химерного роману О. Ільченка “Козацькому роду нема переводу, або ж Мамай і Чужа Молодиця”.

Ключові слова: трансформація фразеологізмів, фразеотрансформи, фразеологічний еліпсис.

Сформована в межах функціональної наукової парадигми теорія лінгвістики тексту сьогодні фокусує особливу увагу науковців на питанні про функціонування мовних одиниць, фразеологічних (ФО) насамперед, у художньому тексті, їх взаємодію із середовищем – найближчим або / і віддаленим контекстом – і різного типу видозміни як результат такої взаємодії.

Нашу увагу привернули трансформаційні перетворення фразеологізмів, зокрема еліпсис як репрезентант комплексу видозмін такого типу, свідомо здійснювані письменниками передовсім із певною семантико-стилістичною метою, відтак кваліфіковані в науковій літературі індивідуально-авторськими.

Актуальність нашого наукового пошуку зумовлена активним розвитком функціонально-мовленнєвого напряму вивчення фразеології, що скерував увагу лінгвістів до семемно-компонентної організації ФО й